

Е. С. Карпова

Мифологическая парадигма старинных русских городов: образ Углича в истории

В статье на материале угличских историко-краеведческих исследований XIX–XX вв. рассматриваются некоторые аспекты трансформации знакового исторического события в центральную мифологему мифообраза города. Обосновывается возможность применения концепции «мест памяти» к анализу культурного мифа города.

Ключевые слова: культурный миф города, мифологема, мифотворчество, «история», «память», «места памяти», Углич.

E. S. Karpova

Ancient Russian Cities' Mythological Paradigm: the Image of Uglich in History

Some transformation aspects of a symbolical historical fact to the central mythologem of the city image myth are considered in the article on the material of Uglich local history researches of the 19-th – 20th centuries. The possibility of applying the concept of "memory places" to the cultural city myth's analysis is proved.

Keywords: cultural myth of the city, mythologem, mythmaking, "history", "memory", "memory places", Uglich.

В настоящее время понятие «миф» применяется для описания и анализа различных аспектов действительности, в том числе и города, как «сложного и единого целого, с ясно обозначенной индивидуальностью» [1, с. 148].

Существует большое количество подходов к определению мифа. Так, Е. А. Ермолин указывает на натуралистическую, лингвистическую, сциентистскую, ритуалистическую и другие теории мифа [8, с. 45–70]. Однако при изучении мифа города на первый план выступает его трактовка в качестве образа действительности. Так, М. И. Найдорф указывает, что «по своей функции миф (древний ли, новый ли) есть коллективно выработанный образ социального пространства, существенно важный для групповой и индивидуальной идентификации данного сообщества» [13]. Такое понимание городского мифа коррелирует с определениями, данными Л. Лурье, И. И. Евлампиевым, Е. А. Ермолиным. В частности, Е. А. Ермолин отмечает, что «культурный миф города можно понимать как представления, задающие смысловое пространство, в котором происходит интерпретация разных составляющих истории города, его антропосферы, архитектурно-ландшафтной среды и культурных традиций» [7]. Мифообраз города, по мнению исследователя, «складывается из исторических фактов, событий, легенд, фантомов и аксиом коллективного и личностного опыта, суеверий, фантазий, которые специфическим образом сплетаются

друг с другом, в результате чего кристаллизуются базисные представления и определения, характеризующие город и важные для многих или некоторых в течение долгого времени» [9, с. 24].

В контексте настоящей статьи особую актуальность имеет содержащееся в данных определениях указание на исторические факты и события, которые, будучи так или иначе проинтерпретированы, «полагаются» в основание общего представления о городе. Ярким примером концентрирования городских мифологем вокруг исторического события является культурный миф Углича как города, отмеченного, по словам В. А. Гречухина, «знаком не сравнимой с другими, неизменно грозной и едва ли не мистической судьбы» [3, с. 160].

Е. А. Ермолин выделяет несколько мифологем угличского культурного мифа: Углич как город убиенного царевича Дмитрия, город смуты, город-страдалец, город русалий и петуха, город одухотворенной святости и рыцарской власти и некоторые другие [10, с. 215–224]. Еще одной «устойчивой мифологемой» является «идея стольной значимости Углича, неоднократно соперничавшего с Москвой в XV–XVI веках» [19, с. 43], что роднит его со многими провинциальными городами России [4, с. 119]. Однако центральным угличским мифом, концентрирующим в себе одни мифологемы и оттесняющим на второй план другие, можно считать миф, связанный с историческим событием – гибелью царевича

Димитрия. Этот миф имеет и свое материальное воплощение – церковь Царевича Димитрия «на крови», которая создавалась как «главнейший памятник усердия угличан к Святому Димитрию» [11, с. 257], а ныне представляет собой, помимо прочего, узнаваемый символ города, его визуальный «бренд».

Действительно, угличская драма, заслонив собой практически все прошлые и последующие события истории города, составила сердцевину (ядро) мифообраза города и обусловила дальнейшее существование Углича во времени и пространстве. Так, А. Н. Горстка указывает, что «в исторической традиции и народной памяти древний город на Волге связан прежде всего с гибелью царевича, который в 1606 году был причислен к лику святых» [2, с. 3]. Загадочные обстоятельства гибели царевича составляли объект пристального внимания историков: Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, М. П. Погодин, С. Ф. Платонов, а также А. И. Тюменев, Р. Г. Скрынников и многие другие так или иначе обращались к событиям, произошедшим в Угличе в мае 1591 г. Как отмечает В. Плетнев во введении к опубликованному «Делу об убийстве царевича Димитрия», оно «раскололо отечественных историков на два лагеря. Одни доказывали, что Димитрий был убит. Другие – что произошел несчастный случай, как и было установлено следствием» [5, с. 12]. Однако в контексте изучения культурного мифа города обретение «истины» в этом споре не имеет ключевого значения, особую же важность приобретает *представление* об этом событии в массовом и индивидуальном сознании угличан.

В многочисленных источниках (летописи, Житие святого благоверного царевича Димитрия Иоанновича Углицкого, труды историков-краеведов) зафиксирован *образ* трагического события, ставший отправной точкой для самоидентификации горожан и для презентации города «вовне» и вместе с тем выступающий «как культурно-смысловая составляющая социальной процессуальности» [12, с. 58].

Среди краеведческих изысканий светского характера, в которых подобное представление выражено наиболее полно, следует в первую очередь отметить труд Ф. Х. Кисселя, который признан «"отцом" угличской историографии» [4, с. 120]. Его «История города Углича», опубликованная в 1844 г., является одной из первых исторических монографий в России, посвященных

провинциальному городу, и первым опытом систематизированного изложения истории Углича.

Особый интерес для настоящего исследования представляет глава «Двадцать третий Угличский Князь Димитрий Иоаннович Святой». Данная глава посвящена описанию событий, связанных с рождением Димитрия, его жизнью в Угличе, а также трагической гибелью и ее последствиями. С неизменным уважением к царице Марии Нагой и нежностью к царевичу Димитрию автор повествует об их прибытии в город и том образе жизни, который они вели в течение 7 лет. «Царевич был характера живого, резвого, – пишет Ф. Х. Киссель, – дарования имел от природы отличные, остроумие, в его лета, необыкновенное, и вообще способности самые блестящие» [11, с. 238]. Подробно разбирая обстоятельства смерти царевича, Киссель уверен, что «заговор давно уже был обдуман, как прежде в Москве, так и после в Угличе, злодеяние было умышлено, назначен день и час <...>, подкуплен убийца» [11, с. 250]. Наиболее же важной сентенцией, в которой выражается представление об этих событиях как автора, так и угличан, является следующая: «*Народ свято уверен, что Царевич убит по наущению Годунова*» [11, с. 249].

Не меньший интерес представляет вторая часть труда Ф. Х. Кисселя, получившая название «Статистика Углича», в которой автор описывает достопримечательности города, в том числе и церковь Царевича Димитрия «на крови». Эта церковь, по словам Ф. Х. Кисселя «навсегда явилась местом поклонения неутешных Угличан, сетующим как о смерти Димитрия, так и о братьях, заточенных Годуновым» [11, с. 378].

Как видим, труд Ф. Х. Кисселя представляет собой яркий пример воплощения угличского мифа наряду с собственным мифотворчеством автора, фиксирующего в своих оценках представления, сложившиеся в массовом сознании жителей города. При этом, как отмечает В. А. Гречухин, «в случае с Ф. Х. Кисселем мы имеем дело отнюдь не с квасным патриотизмом и пристрастным мифологизаторством» [4, с. 124]. Скорее, первый угличский историк являет собой пример «краеведа-мифотворца», который «свободно комбинирует факты, гипотезы, собственные проекты и всяческие творческие обработки материала истории и воображения, отбирает значимое по тем признакам, которые вменены его характером понимания, способом осознания мира» [7]. Эту тенденцию продолжают и другие краеведы, в частности Л. Ф. Соловьев и А. Н. Ушаков.

Л. Ф. Соловьев на страницах своей «Краткой истории города Углича» воспроизводит традиционную для угличских краеведов XIX в. версию гибели царевича Димитрия, в соответствующем ключе трактуя характеры основных «героев» этой драмы. Само трагическое событие также описано в ставшем хрестоматийном варианте, созвучном тексту «Жития святого благоверного царевича Димитрия Иоанновича Углицкаго»: «Первый [убийца – Е. К.], взяв царевича за руку, спросил: “Государь, у тебя новое ожерелье?” Царевич с невинной улыбкой, подняв голову, отвечал: “Нет, Осип, старое”. В этот момент у Осипа блеснул нож...» [17, с. 29].

Следует отметить и то внимание, которое Л. Ф. Соловьев уделяет церкви царевича Димитрия «на крови». Так, описанию этого храма, который, по словам автора, «замечателен архитектурой, а наружной окраской напоминает прошлое событие» [17, с. 79], посвящено 52 строки, в то время как другим церквям – значительно меньше: церкви Царевича Димитрия на Поле – 32 строки, церкви Рождества Христова – 4 строки, церкви Флора и Лавра – 10 строк и так далее.

Исследование краеведа А. Н. Ушакова «Церковь Святого Царевича Димитрия “на крови”» вышло в свет чуть ранее «Краткой истории...», в 1891 г. В ракурсе настоящей статьи особо следует отметить то значение, которое историк придает событиям мая 1591 г., в целом описанным в традиционном ключе. А. Н. Ушаков пишет: «Поспешили предать земле тело Царевича и со всеми царскими почестями похоронили его в Угличском соборе Спаса Преображения. С тех пор спокойствие на Руси нарушилось надолго» [18, с. 5].

Таким образом, гибель царевича Димитрия и ее последствия удостаивались пристального внимания историков-краеведов XIX – начала XX в. В их трудах отражалось, закреплялось и подвергалось дальнейшему мифологизированию представление угличан о знаковом событии в истории города, составившем ядро угличского мифа.

В отличие от них, краеведческие исследования XX и начала XXI в. отличаются более осторожной оценкой обстоятельств угличской драмы. Чаще всего указывается на загадочность смерти царевича Димитрия и предлагаются две официальные версии его гибели. Так, А. Н. Горстка, отмечая, что «версия о политическом убийстве до сих пор является основой церковного и народного почитания царевича», указывает: «На вопрос об истинных причинах гибели царевича

до сих пор нет однозначного ответа» [2, с. 6]. На фоне подобных утверждений особый интерес вызывает точка зрения, представленная в статье историка русского старообрядчества И. В. Сагнака «Царевич, Россия, Углич». И. В. Сагнак, анализируя «ученую дискуссию» историков XIX–XX вв., утверждает, что «для большинства участников “дискуссии” вопрос о гибели царевича <...> давно заменен <...> вопросом о “виновности” Бориса Годунова» [16, с. 8]. Исследователь критически оценивает попытки историков «обелить» Бориса Годунова, что, по его мнению, теоретически достижимо «и без пристрастнейшего развенчания, “снижения” созданного Преданием образа Царевича» [16, с. 9]. Между тем фигура Димитрия является для И. В. Сагнака не просто неотделимой от Углича «гранью одного образа», но духовным воплощением трагедии Русского Царства и Русской истории, которая вследствие Смуты «фатально преломилась надвое: ее драматичный, но размеренный ход был насильственно пресечен, статус Царства – фундаментально и необратимо видоизменен и понижен» [16, с. 9].

Итак, в одном из современных направлений духовного опыта центральная мифологема угличского мифа – образ невинно убиенного царевича – обретает (или возвращает) свое сакральное значение, что определяет ключевое место города в пространственно-временных масштабах страны в целом. Эта позиция в целом соответствует тому магистральному направлению, в котором развивается процесс современного угличского мифотворчества (в разных его вариациях): актуализация знакового образа Углича и его полагание в центр культурного мифа города.

Вместе с тем необходимо учитывать существование прочих мифологем, составляющих более обширный мифообраз Углича, в частности, мифы-легенды о Петушином (Петуховом) и Кувалдином камнях, являвшихся местами появления сверхъестественных существ, и некоторые другие. При сопоставлении этих (второстепенных) мифологем с образами, составляющими ядро угличского мифа, выявляются ключевые особенности последних, суть которых отражает такое понятие, как память.

Роль памяти в интерпретации феномена города, его пространственно-временных характеристик подчеркивали такие отечественные и зарубежные исследователи, как Н. П. Анциферов [1, с. 22], М. Оже [15] и др. Однако в контексте настоящей работы особое значение имеет концеп-

ция «мест памяти» (lieux de memoire) французского историка Пьера Нора.

П. Нора формулирует специфичность феномена «памяти», сопоставляя понятия «памяти» и «истории». Так, память, с точки зрения П. Нора, – «это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – репрезентация прошлого <...> Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая прозаическим <...> Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношении понятий. Память – это абсолют, а история знает только относительное» [14]. Данные определения очень удачно коррелируют с характерными чертами и значением центральных (ключевых) мифологем культурного мифа города, которые являют собой образец трансформации исторических фактов в памятные для людей события, причем их содержание и оценка, определенные преданием, сохраняются и актуализируются на всем протяжении существования города. Это позволяет интерпретировать подобные образы именно как миф-память и ввести соответствующее понятие.

В случае Углича мифом-памятью выступает в первую очередь образ невинно убиенного царевича, точнее, ставшее неотъемлемым для культурно-исторического сознания угличан представление о трагической гибели царственного отрока, обусловившей исключительную судьбу небольшого древнего города. Памятник этого события – церковь Царевича Димитрия «на крови» – представляет собой, если следовать логике П. Нора, «место памяти», то есть «значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по мановению человеческой воли или под воздействием времени приобрело статус символа в материальном наследии того или иного сообщества» [6].

Таким образом, концепция «мест памяти» позволяет связать в единое смысловое целое центральные мифологемы культурного мифа города, формирующиеся в ходе истории, их материальные и духовные символы и то значение, которым наделяются знаковые образы города как в ракурсе его «местного» существования, так и в контексте всей Русской Истории, понимаемой с позиции «священного измерения бытия, в котором размещаются рядоположно и проникая друг в друга, зачастую причудливо соотносясь, настоящее, прошлое и будущее» [16, с. 6].

Библиографический список

1. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода [Текст] / Н. П. Анциферов. – 2-е издание, испр. и доп. – Л.: Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 154 с.
2. Горстка, А. Н. Святой царевич Димитрий Угличский [Текст] / А. Н. Горстка. – М.: Северный па­ломник, 2003. – 96 с.
3. Гречухин, В. А. Лики четвертого Рима [Текст] / В. А. Гречухин. – Ярославль: Александр Рутман, 2004. – 288 с.
4. Гречухин, В. А. Мотив антагонизма (одна из позиций провинциальной историографии) [Текст] / В. А. Гречухин // Сообщения научных конференций Угличского музея 2006, 2009 гг. / отв. за выпуск В. И. Ерохин. – Углич: Арт-принт, 2012. – 200 с.
5. Дело об убийстве царевича Димитрия [Текст] / под общ. ред. президента адвокатской фирмы «Юстина» канд. юрид. наук В. Н. Буробина. – М.: Белый город, 2012. – 88 с.
6. Джадт, Т. «Места памяти» П. Нора: чьи места? Чья память? [Электронный ресурс] / Т. Джадт. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189026.html>
7. Ермолин, Е. А. Миф и город, городская среда [Электронный ресурс] / Е. А. Ермолин. – Режим доступа: http://www.academia.edu/1508723/_
8. Ермолин, Е. А. Миф и культура [Текст] / Е. А. Ермолин. – Ярославль: Александр Рутман, 2002. – 124 с.
9. Ермолин, Е. А. Мифообраз города: итоги и перспективы изучения [Текст] / Е. А. Ермолин // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 459 с.
10. Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст] : учебное пособие / науч. ред. Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 536 с.
11. Кисель, Ф. Х. История города Углича [Текст] / Ф. Х. Кисель. – Издание второе, репринтное и дополненное. – Углич: Угличский историко-художественный музей, 1994. – С. 257.
12. Кондаков, И. В. Город как текст: структура, культурная семантика, смысловая динамика [Текст] / И. В. Кондаков // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 459 с.
13. Найдорф, М. И. «Одесский миф» как миф: (Ранние годы «одесского мифа») [Электронный ресурс] / М. И. Найдорф. – Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/D6CA21A1687D492A8F84FD3EE511BADD>

14. Нора, П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора. – Режим доступа <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.

15. Оже, М. От города воображаемому к городу-фантазии [Электронный ресурс] / М. Оже. – Режим доступа: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm>

16. Сагнак, И. В. Царевич, Россия, Углич [Текст] / И. В. Сагнак // Углич: поле. – Ярославль, 2006. – № 2. – С. 6–11.

17. Соловьев, Л. Ф. Краткая история города Углича [Текст] / Л. Ф. Соловьев. – Изд. 2-е, репр. и доп. – Углич: Угличский историко-художественный музей, 1995. – 145 с.

18. Ушаков, А. Н. Церковь Святого Царевича Димитрия «на крови». 300-е со дня мученической кончины Св. Царевича Димитрия (1591–1891) [Текст] / А. Н. Ушаков. – Изд-е второе. – комп. набор, подготовка текста, примечания Е. А. Лиуконен. – Углич: ООО «Издательский дом “Углич”», 2010. – 37 с.

19. Углич: Дыхание веков [Текст] : Фотоальбом. – М.: ООО «Изд-во ПЛАНЕТА», 2007. – 168 с. с илл.

Bibliograficheskiy spisok

1. Antsiferov, N. P. Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda [Текст] / N. P. Antsiferov. – 2-ye izdaniye, ispr. i dop. – L.: Knigoizdatel'stvo «Seiyatel'» Ye. V. Vysotskogo, 1926. – 154 s.

2. Gorstka, A. N. Svyatoy tsarevich Dimitriy Uglichskiy [Текст] / A. N. Gorstka. – М.: Severnyy palomnik, 2003. – 96 s.

3. Grechukhin, V. A. Liki chetvertogo Rima [Текст] / V. A. Grechukhin. – Yaroslavl': Aleksandr Rutman, 2004. – 288 s.

4. Grechukhin, V. A. Motiv antagonizma (odna iz pozitsiy provintsial'noy istoriografii) [Текст] / V. A. Grechukhin // Soobshcheniya nauchnykh konferentsiy Uglichskogo muzeya 2006, 2009 gg. / otv. za vypusk V. I. Yerokhin. – Uglich: Art-print, 2012. – 200 s.

5. Delo ob ubiystve tsarevicha Dimitriya [Текст] / pod obshch. red. prezidenta advokatskoy firmy «Yustina» kand. yurid. nauk V. N. Burobina. – М.: Belyy gorod, 2012. – 88 s.

6. Dzhadt, T. «Mesta pamyati» P. Nora: ch'i mesta? CH'ya pamyat'? [Elektronnyy resurs] / T. Dzhadt. – Rezhim dostupa: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189026.html>

7. Yermolin, Ye. A. Mif i gorod, gorodskaya sreda [Elektronnyy resurs] / Ye. A. Yermolin. – Rezhim dostupa: http://www.academia.edu/1508723/_

8. Yermolin, Ye. A. Mif i kul'tura [Текст] / Ye. A. Yermolin. – Yaroslavl': Aleksandr Rutman, 2002. – 124 s.

9. Yermolin, Ye. A. Mifoobraz goroda: itogi i perspektivy izucheniya [Текст] / Ye. A. Yermolin // Obrazy goroda v gorizonte rossiyskoy dinamiki: nauchnyy sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Yerokhina. – Yaroslavl': Izd-vo YAGPU, 2010. – 459 s.

10. Istoricheskiy gorod russkoy provintsii kak kul'turnyy universum [Текст] : uchebnoye posobiye / nauch. red. T. S. Zlotnikova, M. V. Novikov, N. A. Didkovskaya, T. I. Yerokhina. – Yaroslavl': Izd-vo YAGPU, 2010. – 536 s.

11. Kisel', F. KH. Istoriya goroda Uglicha [Текст] / F. KH. Kissel'. – Izdaniye vtoroye, reprintnoye i dopolnennoye. – Uglich: Uglichskiy istoriko-khudozhestvennyy muzey, 1994. – S. 257.

12. Kondakov, I. V. Gorod kak tekst: struktura, kul'turnaya semantika, smyslovaya dinamika [Текст] / I. V. Kondakov // Obrazy goroda v gorizonte rossiyskoy dinamiki: nauchnyy sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Yerokhina. – Yaroslavl': Izd-vo YAGPU, 2010. – 459 s.

13. Naydorf, M. I. «Odesskiy mif» kak mif: (Ranniye gody «odesskogo mifa») [Elektronnyy resurs] / M. I. Naydorf. – Rezhim dostupa: <http://www.km.ru/referats/D6CA21A1687D492A8F84FD3EE511BADD>

14. Nora, P. Problematika mest pamyati [Elektronnyy resurs] / P. Nora. – Rezhim dostupa <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.

15. Ozhe, M. Ot goroda voobrazhayemomu k gorodu-fiktzii [Elektronnyy resurs] / M. Ozhe. – Rezhim dostupa: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm>

16. Sagnak, I. V. Tsarevich, Rossiya, Uglich [Текст] / I. V. Sagnak // Ugleche pole. – Yaroslavl', 2006. – № 2. – С. 6–11.

17. Solov'yev, L. F. Kratkaya istoriya goroda Uglicha [Текст] / L. F. Solov'yev. – Изд. 2-е, репр. и доп. – Углич: Угличский историко-художественный музей, 1995. – 145 с.

18. Ushakov, A. N. Tserkov' Svyatogo Tsarevicha Dimitriya «na krovi». 300-ye so dnya muchenicheskoy konchiny Sv. Tsarevicha Dimitriya (1591–1891) [Текст] / A. N. Ushakov. – Изд-е второе. – комп. набор, подготовка текста, примечания Ye. A. Liukonen. – Углич: ООО «Издательский дом “Углич”», 2010. – 37 с.

19. Углич: Dykhaniye vekov [Текст] : Fotoal'bom. – М.: ООО «Изд-во ПЛАНЕТА», 2007. – 168 с. с илл.